

Наши интервью

Ростислав Плятт: В ЧЕМ АКТЕРСКОЕ СЧАСТЬЕ?

БЕСЕДА с народным артистом СССР, лауреатом Государственной премии СССР Р. Я. Пляттом началась не совсем обычно.

Пришли в театр имени Моссовета, нашли гримерную, поздоровались (о встрече мы договорились заранее). Но первый вопрос задал Плятт: — У вас сигаретка есть?

По счастливой случайности ее у нас не было — один просто не курит, другой, как по Марку Твену, уже в который раз бросил.

Тогда (на нашем месте так бы поступил каждый сотрудник «Медицинской газеты») мы чуть ли не хором сказали: — Ростислав Янович, курить вредно!..

— Знаю, знаю! Вообще-то я не курю. Но сегодня у меня зуб болит, а к врачу пойти некогда...

Плятт вздохнул, а затем посмотрел лукаво:

— Подозреваю, вы хотели бы узнать, соблюдаю ли я режим дня...

Что сказать о режиме? Актерам его соблюдать трудно. Я, например, сейчас разрываюсь между театром и киностудией (снимаюсь у режиссера М. Хуциева в фильме «Послесловие», который появится на экранах, очевидно, осенью. В картине два героя: мой партнер — А. Мягков). А на «Мосфильме», между прочим, столовая плохая, да я к тому же на диете. Поэтому и ношу с собой термос, еду кое-какую, стараюсь питаться вовремя...

Зарядкой занимаюсь ежедневно, из всех видов спорта предпочтение отдаю плаванию.

Плятт, дотронувшись рукой до щеки, поморщился:

— А зуб, однако, болит. По всему видно: буду я играть в спектакле с зубной болью. Впрочем, это еще ничего... Однажды мне пришлось выйти на сцену со сломанной рукой А что делать? Заменить пьесу было уже невозможно, хорошо хоть роль и мизансцены позволяли мне появиться с забинтованной рукой, поддерживаемой черной повязкой.

— Ростислав Янович, вы как-то сказали, что предложили вам на выбор хорошую роль в хорошей современной пьесе или в классической, то выбор свой вы бы остановили на первой...

— Совершенно верно. Играя в пьесах, действие которых происходит в наше время, всегда поражался тому, как зритель сильно сопереживает, если говоришь ему о чем-то жизненно важном. Ощущение это возникало у меня всегда, когда я играл, скажем, в пьесах К. Симонова.

— Кстати, именно благо-

даря К. Симонову вы однажды стали хирургом...

— Да, много лет назад в пьесе Константина Михайловича «Парень из нашего города» я сыграл хирурга Аркадия Бурмина. Причем автор сам отвел эту роль мне.

Очень нежно к ней отношусь. Это объясняется и тем, что она была хорошей в хорошей современной пьесе, и тем, что я впервые сыграл на сцене положительного героя.

Помню и медицинские заботы, возникшие в то время. В сцене на фронте мой герой давал распоряжение о наркозе больному. Показалось, что у Симонова написано неправильно. Я позвонил знакомому врачу. Объяснив, какая роль мне досталась, спросил: «Что бы вы назначили раненому вот в таких-то обстоятельствах?» Он мне ответил: «Записывай! Внутривенно гексенал...»

— Зрители знают не только ваши театральные работы, но и киногероев, а в последнее время вы много снимаетесь и на телевидении. В чем вы видите разницу между игрой в кино и на телевидении?

— Прежде всего хочу подчеркнуть: и кино, и телевидение для меня, как говорится, на вторых ролях. Основное — был и есть театр. Что же касается отличия, то оно, на мой актерский взгляд, существенно.

Киноэкран от зрителей находится дальше телеэкрана, а на последнем игру актера рассмотреть лучше — парадокс? Нет, все объяснимо: телевизор стоит в вашем доме, и актер на самом деле рядом, он буквально влезает в вашу душу... Поэтому я считаю, что на телевидении работать сложнее, «голубой экран» неточностей не прощает.

— Как и каждому человеку, вам приходится быть зрителем. Ваши симпатии, скажем, на современной эстраде?

— Люблю интеллигентную манеру исполнения песни, роли и т. д. Это в равной степени относится и к эстраде (коли вы спросили о ней, выделю Татья-

ну и Сергея Никитиных), и к театру, кино...

Мы, к сожалению, часто встречаем исполнителей, имеющих, к примеру, выразительный материал, хороший голос, но, так сказать, не изящных в своем творчестве. Свои же симпатии я отдаю тем, кто не щеголяет голосом, природными данными, а вдумчиво несет мысль, ради которой он существует на той или иной сцене.

— В театре вы не только актер, но и руководитель — член президиума художественного совета. Трудно быть справедливым!

— Очень. Да, у нас, к сожалению, сейчас нет главного режиссера («к сожалению» — потому что я глубоко убежден: каждый творческий коллектив должен иметь лидера. У нас им долгие годы был Юрий Александрович Завадский).

Все вопросы решает президиум, в него входят: директор театра Л. Лосев, режиссер П. Хомский, актеры Л. Шапошников (она у нас, кстати, секретарь партийного бюро), Г. Тараторкин и я.

Театр — это бездна раненых самолюбий... И если возникает в труппе какой-то конфликт, то мы стараемся разобраться в нем объективно.

— А есть ли у вас в театре нелюбимые роли?

— Мое актерское счастье заключается в том, что все, что я сегодня играю, мне нравится. Это большое счастье! Ведь зачастую в репертуарном списке актера бывает так: не нравится, но должен. Театральная дисциплина — и несчастный идет на спектакль, словно на Голгофу...

— Вопрос может показаться неожиданным: что вы скажете о своем характере?

— Скажу честно: я им доволен. (Улыбается.) Не знаю, что по этому поводу думают окружающие, но сам причисляю себя к совершенно идеальным в быту людям: контактен, общителен, со всеми ровный...

— Ростислав Янович, в вашем ответе присутствует некоторая доля юмора... А какова ваше отношение к чувству юмора?

— Очень серьезное. По-моему, самое главное в человеке, конечно, порядочность, доброта и — обязательно — юмор. С ним, кстати, и зубную боль легче переносить... Хотя на этот раз, боюсь, и он не поможет. Придется обращаться к врачу...

Пользуясь случаем, хочу честно признаться в давней любви к медицинским работникам. Ценю их благородный труд и поздравляю всех с наступающим профессиональным праздником.

Беседу вел А. МАИН.